

ЛИК

ЛИТЕРАТУРА ● ИСКУССТВО ● КУЛЬТУРА

ЖИЗНЬ, РАВНАЯ КЛЯТВЕ

В Азербайджанском государственном театральном музее имени Дж. Джабарлы бережно хранятся документы, связанные с творчеством Г. Араблинского, 100-летие со дня рождения которого широко отмечает общественность республики.

Театр — это искусство, живущее и века, и один день. К сожалению, это не книга, которую можно перечитать в любой момент, и не партитура, которую всегда можно услышать и озвучить. Невозможно через десятилетия, нет, даже через годы — донести дыхание одного вечера — того самого, что существует в единственном числе, что обозначен в старом витеватом анонсе: «Представлено будет в первый раз... ровно в 8 часов вечера...». На эту премьеру мы уже навсегда и безнадежно опоздали. Но театр — вечен, если ему отдана вся жизнь. Гусейн Араблинский, человек, беззаветно преданный искусству, испытавший за 38 лет вместе со славой и восхищением горечь непонимания, всегда клялся... сценой. Об этом пораженно писал Мурад Мурадов: «Самой большой клятвой Гусейна была сцена. Он всегда говорил: «Клянусь сценой». А вот эти неистовые слова принадлежат самому Араблинскому: «Артисту необходимо отбросить все другие свои занятия и только здесь зарабатывать свой хлеб насущный и вести сцену вперед».

Вся жизнь этого необыкновенного человека, актера широчайшего творческого диапазона и высокой культуры, первого профессионального режиссера азербайджанской сцены, была полным и бескомпромиссным подтверждением собственной клятвы. Тем несправедливее его наследством распорядилась история: она

не оставила ни одного фотоснимка, запечатлевшего Г. Араблинского в ролях — этот образ по воспоминаниям очевидцев пришлось потом «реконструировать» художником Г. Мустафаеву и А. Горчакову. Нам осталось всего несколько фотографий актера, его костюмы и атрибуты... В театральном музее, сотрудниками и энтузиастами которого по крупицам собирается все, что связано с Араблинским, хранятся воспоминания о нем С. Рахмана, Г. Сарабского, А. Рзаева и других.

Как кадры несостоявшейся хроники, проходят бережно хранимые фотографии: вот дом, где он родился, дом, где он репетировал, портреты соратников, учеников, современников. В старых афишах, в подлинных документах проходит жизнь актера — на сцене и на земле. Вот анонс начала века: «город Тифлис, Грузинский театр. Гастроли знаменитого артиста мусульманской сцены Гусейна Араблинского с участием Тифлисской драматической труппы», а рядом — короткая записка: «Прошу выдать для меня 3 рубля... нужно. Г. Араблинский.» Глядя на тонко очерченное, одухотворенное лицо этого человека (оно чем-то напоминает лицо Александра Блока своей строгой сосредоточенностью и взглядом, словно одновременно обращенным и во внутрь себя, и в глубину мира), никогда не подумаешь о том, что человек этот, сумевший и жизнь свою сделать высокой драмой, стра-

дал от унижительных оскорблений обывателей и мракобесов, лишений и непонимания близких, что он, ставший для своих современников живым символом профессиональной и человеческой культуры, живого синтеза лучших традиций национального, русского и европейского театра, был выходцем из «низов», что свою интеллигентность он выработал сам, что она, как и кругозор, не передавалась ему легко, по наследству», как обычно это бывает в семьях актеров.

Выставка-экспозиция, подготовленная к юбилею, раскрывает облик Гусейна Араблинского как человека и деятеля культуры, и очень важно, что в юбилейные дни (и не только в юбилейные) выставка-передвижка побывает в школах и на предприятиях, в городах и районах республики, в кинотеатрах и новых микрорайонах. И зритель, безусловно, вынесет целостное впечатление: впечатление о том, каким должен быть подлинный творец культуры, одержимый одной мыслью, одной идеей: служением высокому.

Театр, если это настоящий театр, всегда больше сцены, и актер, если это настоящий актер, не просто человек, меняющий каждый вечер лица и маски. Шекспир, Шиллер, Гоголь, Дж. Мамедкулизаде, А. Ахвердиев, Н. Нариманов — каждая роль Араблинского была больше, чем роль: она была манифестом, а спектакли с его участием были событием большого общественно-политического значения. Он стал, говоря словами классика, действительно обзором своего времени — на

чала века, когда на будущее вместе с ним работали Нариман Нариманов, Узеир Гаджибеков, Гусейнкули Сарабский, Джалил Мамедкулизаде... На протяжении целого века передавалась, как эстафета, другим поколениям любовь и восхищенная память первых зрителей и современников, помнивших Араблинского-Отелло, Араблинского-Надир-шаха, Араблинского-Хлестакова. И дело здесь было не в одной творческой одаренности: сама личность актера была окружена высоким нравственным ореолом. Нет, дело было не только в профессиональном бесстрашии, о котором сообщают старые афиши с виньетками и затейливыми гирляндами шрифтов: «представлено будет в первый раз на мусульманской сцене опера ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУНЪ. Режиссер Араблинский» или: «представлено будет в первый раз на здешней сцене ОТЕЛЛО... Отелло — Г-н Араблинский... Главный режиссер: Г. Араблинский».

Есть здесь скромные, но важные свидетельства другого достоинства. Вот афиша 1912 года сообщает, что в Театре Майловых Араблинским дается представление «В пользу бедных учеников Персидской прогимназии...» Свидетельство Гаджиаги Абасова: «Я познакомился с Шаляпиным непосредственно через Араблинского». Слова Мустафы Марданова: «очень любил своих товарищей по сцене и всегда стремился «возвысить их». Это чувство творческой неумности, «возвышения» не над проблемами и тревогами жизни, а над ее мелочностью, суетой, умение сделать ее, несмотря ни на

что, праздником от одного только прикосновения искусства, умение постоянно учиться и учить — все это делало Араблинского незаурядной личностью. Благодаря ему зажглись другие имена: Гусейнкули Сарабского, Сидги Рухуллы, Марзин Давудовой, Аббаса Мирзы Шарифзаде. И не стань он актером, он все равно бы остался в истории национальной культуры как один из ее ярких и бескорыстных сподвижников.

...Искусство театра — временно и хрупко. Спектакль, пьеса, роль и актер живут именно в этот вечер своей неповторимой жизнью: уже завтра в той же пьесе они будут жить по-другому — гаков театр, не терпящий копий-близнецов. И театр — вечен, если ему безраздельно отдана вся жизнь. Вечен отдавший ему жизнь актер. И, уходя из музея, с каким-то особым чувством читаешь эту старомодную обстоятельную афишу:

Начало спектакля ровно в 8 часов вечера.

Конец ровно в 12 часов ночи.

Цены местам обыкновенныя.

Появляется странное чувство; что ведь можно еще успеть — до 8 часов еще есть время! Сколько бы сегодня мы отдали за то, чтоб увидеть «живого» Араблинского... Но всегда есть и будут спектакли, которые продолжают и много лет спустя. Этот вечный, как театр, спектакль — фантазия, воображение, живая человеческая память. Память о жизни, равной клятве.

Н. АЙРАПЕТОВА.